

Политика БРИКС в сфере интеллектуальной собственности: почему она необходима и как может выглядеть

А. Фриман

Алан Фриман — научный сотрудник Университета Гринвича (Великобритания) и Университета Манитобы (Канада).

DOI: <https://doi.org/10.17323/2949-5776-2024-2-4-124-137>

1. Введение

В этой статье мы исследуем вопрос независимой политики БРИКС в сфере интеллектуальной собственности. Под политикой я подразумеваю набор соглашений и законов, нацеленных на обеспечение взаимовыгодного обмена и использования технологических продуктов и продуктов творческой деятельности между странами и внутри них. Под независимостью я подразумеваю отсутствие ограничений, налагаемых существующими нормами регулирования на участников Всемирной торговой организации (ВТО) или Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС). По моему мнению, необходима новая общемировая система интеллектуальной собственности, которая со временем должна стать доминирующей в суверенных государствах. Зарождающиеся институты БРИКС обладают оптимальной позицией для формирования подобной системы и претворения в жизнь.

Чтобы избежать недопонимания, подчеркну: независимый не означает односторонний. Эта статья призвана стимулировать обсуждение принципов, решения о том, когда и как они могут быть реализованы, находятся в компетенции соответствующих политических институтов. Параллельно существует система мировой торговли, номинированная в долларах. В обоих случаях сейчас есть отличная возможность для альтернативы, которая пойдет на пользу всему человечеству. Но необходимые практические шаги должны быть выработаны странами с различными системами и интересами, которые, осознавая будущие выгоды, готовы будут внести свой вклад в выработку новой системы.

Таким образом, иная система в сфере интеллектуальной собственности так же важна и необходима, как и новая система торговли.

2. Интеллектуальная собственность и однополярный момент

1995 год стал решающим для формирования однополярного мира. Была создана ВТО как инкарнация идеала, основанного на правилах международного торгового порядка, которая получила превосходство над юрисдикциями национальных государств. Участие в этом порядке, называемом также вашингтонским консенсусом, стало краеугольным камнем внешней политики США, пока американские политики не стали отшатываться от последствий вступления в ВТО Китая.

Сейчас очевидно, что конструкция начала разрушаться вскоре после того, как была построена. Не будем останавливаться на причинах произошедшего, поскольку наше предложение не зависит от того, почему так случилось. Нам важно, что делать теперь. Остановимся только на одном пункте, который осознают в значительно меньшей степени, чем того требует история. Это создание параллельно с ВТО еще одной структуры, которая не была предусмотрена в 1947 г., — Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС).

Изначально, в 1970 г., ВОИС представляла собой неэффективную дискуссионную площадку всего с 23 участниками. В 1995 г. она трансформировалась во влиятельную многостороннюю организацию, «основанную на правилах», приблизительно с двумястами участниками. Организация была интегрирована в систему ВТО, но действовала как самостоятельный орган.

ВОИС кодифицировала и институционализовала практики, которые формировались на протяжении определенного времени. Но в отличие от ВТО, продолжателя Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ) 1947 г., ВОИС не реализовывала какие-либо ранее согласованные предложения — она создавала нечто новое. И это новое, по моему мнению, не менее важный элемент нынешнего миропорядка, чем доминирование доллара.

3. Как ВОИС определяет интеллектуальную собственность?

Глобальные мировые рынки существовали и раньше — например, на рубеже веков или, хотя с этим можно поспорить, в эпоху мировой торговой системы османов. Но когда история повторяется, она либо вводит новые элементы, либо трансформирует старые настолько, что они становятся полной противоположностью самим себе. Воссоздание мирового рынка повлекло за собой два новых явления в отношении собственности: Генеральное соглашение по торговле услугами (ГАТС) и Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС), которые были призваны создать мировой рынок знаний.

ВОИС трансформировала понятие «расширение торговли» по сути в «ограничение торговли»¹. Изначально назначение интеллектуальной собственности состояло в распространении технологий и защите их создателей. Функция же ВОИС заключалась в ограничении распространения и защите владельцев. С этой целью она на-

¹ Изначально осознание этого противоречия возникло у Л. фон Мизеса, и австрийская школа экономической науки продолжает настаивать на нем на фундаментальных основаниях. См., например, [Wisuniewski 2020].

вязывает создателям права владельца и закрепляет их способность препятствовать использованию их технологий другими лицами. Она подчиняет неотъемлемое право человека на создание знаний монополии на их использование.

БРИКС нужно искать альтернативу, которая защитит создателей, будет продвигать распространение технологий и обеспечит доход тем, чье существование зависит от этой деятельности.

Как работает ВОИС? Она изменила способ торговли продуктами с «ментальным содержанием»².

- Она установила универсальный закон, который применялся в отношении всех стран, независимо от их национальных интересов или особенностей. Страны лишились права собственности на свои природные ресурсы — например, их сельскохозяйственные системы превратились в «продукт» фармацевтических компаний, — и они потеряли право использовать свои ресурсы на благо собственного народа. Это привело к скандальным результатам, которые стали очевидны во время пандемии коронавируса, но были заметны при лечении СПИДа — население оказалось лишено доступа к непатентованным или импортным препаратам, которые «нарушали» право интеллектуальной собственности. Фундаментально страны потеряли суверенное право использовать технологии в соответствии с нуждами общества, особенностями культуры и существующим уровнем развития.
- Она изменила срок действия прав интеллектуальной собственности до 70 лет, т.е. он вышел за рамки активной жизнедеятельности обычного человека. Это существенно увеличило продолжительность защиты, обеспечиваемой патентом, которая в большинстве стран обычно составляет 10–15 лет. Была законодательно закреплена широко распространенная в США практика «блокирующих патентов» — их задействуют не в вопросах производства, а чтобы препятствовать использованию технологий другими. По сути, был отменен преобладающий принцип «используй, или потеряешь».
- Произошло слияние двух совершенно разных типов интеллектуальной собственности: патента и авторского права. Патент был призван стимулировать инновации, так как позволял изобретателям получать достаточную прибыль, чтобы покрыть свои расходы. Авторское право (как говорит нам его французское название *droit d'auteur*) было призвано обеспечивать доход авторам. В результате творчество стало корпоративным, а не личным правом, что создало условия для «рабских контрактов»³, обязывающих арти-

² См.: [Бодрунов 2022 (a, b, c)].

³ Выражение «рабский контракт» (slave contract) ввел в употребление Джордж Майкл в споре с корпорацией Sony Music Entertainment (UK) Ltd., с которой он подписал пожизненный контракт, запрещавший ему исполнять любые собственные произведения, за исключением случаев, разрешенных Sony. В 1992 г. музыкант подал в суд на Sony, но в 1994 г. Высокий суд Лондона вынес решение не в его пользу, постановив, что такой тип контракта является нормальным для индустрии развлечений. Незадолго до смерти Майкл выпустил документальный фильм «Свобода», где подробно осветил этот вопрос. Фильм можно посмотреть по ссылке: <https://www.dailymotion.com/video/x6lxlra>. Подробнее см.: [Coulthard 1995].

стов отказываться от своих прав на выступления как единственного способа обеспечить стабильный доход.

- *Обязанность применять* новую технологию заменило *право предотвращать* ее использование другими. Предотвращение нарушений стало основным источником новой индустрии судебных разбирательств. В результате произошла вепонизация интеллектуальной собственности, в особенности со стороны США в политической борьбе с Китаем. Главное обвинение, выдвигаемое США в битвах с Huawei, TikTok и другими, заключается в том, что Китай «крадет» американские технологии. Это, в свою очередь, тесно связано с обвинением в том, что интересы национальной обороны США находятся под угрозой из-за разработки Китаем собственных технологий. Тут мы видим фундаментальное противоречие с прежними принципами просвещения, согласно которым доступ к знаниям является правом всех людей.

4. Откуда возникла ВОИС

Изменения не стали следствием какого-то естественного процесса или консенсуса о том, что они приведут к взаимной выгоде. Это был результат системной и хорошо финансируемой кампании конкретных американских лобби. Права интеллектуальной собственности стали центральным аспектом общей кампании США в сфере торговли, которую Бхагвати (1993) назвал «агрессивным односторонним подходом». В основе лежит раздел 301 Закона о торговле и тарифах 1974 г., ключевого элемента американского торгового законодательства. Основные принципы были доработаны в разделах 301–306 в 1984 г. и в разделах 301–310 Сводного закона о торговле и конкурентоспособности 1988 г. Закон до сих пор действует.

Раздел 301 вызвал недовольство, поскольку предусматривал, что США могут предпринимать односторонние обязывающие действия для обеспечения соблюдения договоренностей, согласованных ГАТТ, независимо от того, были ли уже реализованы прописанные в соглашении процедуры. Таким образом, США поставили себя выше тех же международных правовых рамок, из которых они черпали оправдание своих действий и утверждений о том, что их партнеры имели перед ними торговые обязательства. Положения разделов Super-301 и Special-301 вывели ситуацию на новый уровень. Бхагвати (1993) отмечает: «Super-301 требовал от торгового представителя США подготовить перечень внешнеторговых барьеров, создать приоритетный список стран и их необоснованных практик, а затем установить сроки их устранения зарубежными партнерами, а в случае невыполнения — принять решение об ответных мерах со стороны США. Special-301 аналогичен в части установления четких сроков, но касается конкретно прав интеллектуальной собственности».

Далее он подчеркивает: «Раздел 301 характеризуется (уникальный факт) тем, что позволяет Соединенным Штатам в одностороннем порядке требовать торговых уступок от других, не предлагая никаких сопоставимых уступок, которых от них могли бы потребовать взамен».

Права интеллектуальной собственности делятся на три категории: товары с товарными знаками (дизайнерская и брендовая продукция), товары, защищенные

авторским правом (художественные материалы) и патентные товары (промышленные процессы и их продукты). Законодательство об авторском праве было значительно расширено, так что теперь включает программное обеспечение. Объединение этих трех категорий означает, по сути, всеобщее отчуждение ментальных продуктов и их трансформацию в особую рыночную сущность. Патент, авторское право или товарный знак подразумевает право производить «что-то», определяемое не тем, что это такое или что оно содержит, а знаниями или информацией, которые его отличают. Программное обеспечение, самая продвинутая форма прав интеллектуальной собственности, практически не предполагает какого-либо материального продукта. По сути, продается законное право (или лицензия) на использование программного обеспечения в ваших собственных производственных процессах.

Права интеллектуальной собственности, как и ГАТС, определяют торговые барьеры с точки зрения внутреннего правового режима США. США открыто стремились и через ВТО добились изменений во внутренних правовых системах своих торговых партнеров и конкурентов, чтобы гармонизировать их законы об авторском праве и патентах со своими собственными и таким образом искоренить то, что они называют «пиратством», т.е. изготовление копий. Именно из-за этой необходимости американцы отказались от существовавшей двусторонней структуры в сфере интеллектуальной собственности в пользу органа под эгидой ООН, известного как Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС). ВОИС действовала на основе старого принципа ГАТТ о недискриминации, как деликатно объясняет Маскус (1993. Р. 82): «Преобладающим принципом политики ВОИС является национальный режим, который требует от стран не проводить дискриминацию между отечественными и иностранными фирмами в сфере прав интеллектуальной собственности. Однако этот принцип не мешает уровню защиты быть слабым, если того пожелает конкретная страна».

США при этом стремились к тому, чтобы пожелания страны не имели значения. До Уругвайского раунда Индия предоставляла семилетнюю патентную защиту для процессов фармацевтического производства и не давала никакой защиты для фармацевтических продуктов; как член ВТО она была обязана расширить защиту до двадцати лет, что было прописано в поправках 2005 г. к Закону о патентах 1970 г. Это было сделано для того, чтобы соответствовать Соглашению ТРИПС (Торговые аспекты прав интеллектуальной собственности) ВТО, которое требовало от стран-участниц установить режим патентования продукции для всех технологических областей, включая фармацевтику и химикаты, к 1 января 2005 г. Проще говоря, законодательство запретило Индии лечить своих больных, в то время как ТРИПС лишили индийский народ суверенного права что-либо с этим делать.

Так можно проиллюстрировать нашу основную мысль: подобное «расширение» рынка требует ограничения производства. Американских производителей, поддерживавших раздел Super-301, беспокоила не защита рынков США от потоков поддельных часов Gucci и пиратских компакт-дисков, гораздо важнее было не позволить другим странам самим производить такие же или аналогичные продукты для собственного использования. В 1989 г. США экспортировали товаров, чувствительных к правам интеллектуальной собственности, на сумму 58,8 млрд

долл., что составило 16,1% от их общего объема экспорта, в то время как Бразилия экспортировала на 2,0 млрд долл., т.е. 0,2% совокупного импорта США, и импортировала на 2,4 млрд долл., что составило 13,1% ее собственного импорта⁴.

5. Почему БРИКС?

Как следует из вышеизложенных соображений, результаты реализации современной системы защиты прав интеллектуальной собственности оказались пагубными. Можно ли ее улучшить? Именно здесь актуальность БРИКС выходит на первый план. До сих пор мы показывали, что в основе современной мировой торговой системы, переосмысленной в ГАТТ 1995 г., лежит концепция интеллектуальной собственности, которая была определена не общими интересами человечества или наций, а частными интересами лобби в рамках одной страны — США, которое разработало эту концепцию для сохранения и укрепления прав американских монополистов, доминирующих в сфере высоких технологий, и приняло ее в качестве закона США, а затем институционализировало в положениях ВТО.

Как можно найти альтернативу, которая была бы действительно выгодна всем заинтересованным сторонам? Я полагаю, что соответствующие принципы весьма схожи с принципами разработки справедливой и выгодной системы торговли и финансов, которая освободит страны мирового большинства от гегемонии доллара США. Во-первых, как должны быть разработаны принципы, регулирующие торговлю? Конечно же, не путем предоставления возможности одной нации диктовать их. Необходимо решать эту проблему совместными усилиями.

Во-вторых, в какой степени такие организации, как ВОИС или ВТО, подходят для управления по согласованным принципам? Как и в случае с финансами, основная проблема заключается в том, что национальные требования различаются, и необходимо учитывать совершенно разные национальные требования и уровень развития каждого партнера по любому соглашению, которое может быть достигнуто, однако в рамках общих принципов. Это не тот же самый метод ВТО, который, по сути, заключается в том, чтобы разработать единый для всех закон, а затем создать сложную арбитражную систему, которая неизменно работает в пользу более богатых стран [Freeman 1998b].

И последнее, но не менее важное: любая новая система должна устранить исторически сложившееся неравенство, которое в значительной степени обуславливает очень заметные различия между странами в отношении их национального дохода и развития. Это неравенство заключается, по сути, в укоренившейся монополии на высокотехнологичное производство в рамках того, что я называю «Колумбийскими нациями» [Freeman 2024] — альянса США, Западной Европы, Японии и бывших колоний Великобритании, который в настоящее время доминирует в мировой политической экономике.

БРИКС, пока он формируется, обеспечивает превосходную основу для разработки подлинно многополярного альтернативного подхода к интеллектуальной

⁴ UN Yearbook of International Trade Statistics. Цит. по: [Maskus 1993].

собственности. Как было отмечено на информационном портале БРИКС [BRICS 2025] в тот момент, когда ОАЭ объявили о своем решении о присоединении к группе, «БРИКС и Объединенные Арабские Эмираты разделяют общую цель создания более справедливого и сбалансированного глобального порядка, в котором экономические и политические интересы всех стран ценились бы наравне с интересами традиционных западных держав. В основе этого видения лежит идея отхода от устаревшей модели глобального управления, в которой доминируют несколько развитых стран, и перехода к многополярной системе, в которой больше внимания уделяется государственному суверенитету и равенству. Внешнеполитическая позиция стран БРИКС направлена на создание условий, при которых не только крупные западные экономики, но и развивающиеся страны могли бы на равных участвовать в решении глобальных проблем. Этот подход нашел отражение в таких инициативах, как Новый банк развития и механизмы сотрудничества БРИКС, которые предоставляют развивающимся странам доступ к финансовым ресурсам и альтернативу западным финансовым институтам».

Мои аргументы сводятся к тому, что разработка новых рамок для определения и управления правами интеллектуальной собственности относится к числу вопросов, которые партнеры по БРИКС должны обсудить между собой.

6. Продвижение и вознаграждение как альтернатива ограждению и порабощению

Какие принципы могли бы лежать в основе новой системы интеллектуальной собственности?

Когда была создана нынешняя, по сути, также была создана новая категория товара — сами знания. Лоббисты раздела Super-301 — узкая часть даже американского общества, навязали миру институт и набор универсальных законов, которые давали им экстерриториальное право криминализировать передачу и применение знаний.

Возможно, если бы можно было продемонстрировать преимущества такой меры, применяемые методы были бы простительны. Однако анализ результатов показывает, что это не тот случай. Нации лишились продовольственного суверенитета, дарованного им природой, превратив геном этого продукта поколений в собственность иностранцев. Это привело к ненужным страданиям и смертям в период пандемий СПИДа и коронавируса. Это также способствовало вепонизации интеллектуальной собственности в рамках торговой войны администрации США с Китаем. И что, пожалуй, наиболее показательным, результатом является заметное замедление темпов роста производительности в технологически развитых странах⁵.

Эти неудачи являются основой аргумента данной статьи о том, что права интеллектуальной собственности не стали шагом вперед даже по сравнению с прошлыми формами интеллектуальной собственности, которые, хотя и требовали улучшения, по крайней мере обеспечивали элементарные стимулы для новатора

⁵ См.: Freeman A. The Geopolitical Economy of International Inequality // Development and Change. 2024. Feb. 23. Режим доступа: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/dech.12812>

и независимость для создателя, не ограничивая распространение технологий и не лишая создателей дохода.

Они также не являются шагом вперед по сравнению с тем, что возможно сейчас. Новые технологические разработки, в частности (но не исключительно) системы с открытым исходным кодом, открытым доступом и открытыми инновациями, демонстрируют, что существуют совершенно другие и лучшие способы достижения как первоначальной цели систем патентов и авторских прав, так и современных целей, которые было либо невозможно сформулировать, либо достичь в прошлом. Поразительные достижения DeepSeek лишь подчеркивают потенциальные преимущества того, что, как я утверждаю [Freeman 2025], по сути, является новой технологией, требующей новой формы собственности.

Чтобы определить и внедрить лучшую систему, полезно, если не обязательно, сформулировать ее цели. В целом страны, конечно, должны стремиться к достижению двойной и взаимосвязанной цели — повышению благосостояния и счастья своих народов и приобретению суверенитета над своим развитием. Но как в это встраиваются права интеллектуальной собственности?

Я предлагаю определить основную функцию новой системы интеллектуальной собственности как продвижение и вознаграждение.

- Что касается научных и технических открытий, это означает стимулирование быстрого распространения и применения этих открытий посредством метода поощрения тех, кто играет в этом активную роль. В первую очередь поощрения заслуживают те, кто заставляет знания работать, т.е. производители. Здесь акцент делается на «продвижении»: главной проблемой национального развития является применение и использование технологий в конкретных условиях страны.
- Вторая категория со своими отличительными характеристиками включает «творческие индустрии»⁶: все формы творческой деятельности, которые расширяют человеческий опыт, будь то более традиционные формы искусства, музыки, танца или театра, или бесчисленное и постоянно растущее число новых, основанных на ИКТ продуктов, будь то фильмы, видео, игры, приложения и социальные сети. Здесь основное «вознаграждение»; как свидетельствуют все, кто работает в этом секторе, главная трудность состоит в том, чтобы обеспечить авторам доход, который не только дает им средства к существованию, но и поддерживает их способность творить: позволяет развивать свои навыки, создавать сети единомышленников для производства и находить свою аудиторию.

Продвижение и вознаграждение — две стороны одной медали. Если новое открытие или форма искусства не будут использованы, доход, необходимый для поддержания их создателей, не появится. И наоборот, если производители не имеют возможности творить, не возникнут ни открытия, ни искусство.

Но если посмотреть с мировой точки зрения, то, очевидно, необходима такая система отношений между странами, которая допускала бы как специализацию,

⁶ [Bakhshi et al. 2013].

так и обмен. Ни одна нация не может быть в авангарде всех форм и практик искусства и науки; однако они могут вступить в согласованные отношения друг с другом, которые предусматривают создание международной системы, отвечающей основным целям.

Способствуют ли этому права интеллектуальной собственности? Доказательства могут быть двух типов. Во-первых, что на самом деле делают права интеллектуальной собственности, и, во-вторых, что было, есть и чего можно достичь без них.

Первой определяющей особенностью прав интеллектуальной собственности является то, что они передают все *обязанности* по управлению знаниями от людей, которые их производят и используют, к тем, кто может получить ренту от владения ими. Это форма ограждения, а не продвижения.

Вторая определяющая особенность заключается в том, что они передают все права в одинаковой степени. Последствием является тот факт, что производители не имеют гарантированного дохода и права на средства к существованию, которые позволили бы им продолжать функционировать в качестве производителей. Все, что они делают, — от дохода, полученного от их искусства или открытия, до самого права на их производство, — зависит от воли и решения тех, кто заключает контракт на их услуги или приобретает права на них.

Эту комбинацию, полагаю, следует обозначить как ограждение и порабощение.

7. Распределенная собственность: фундаментальный принцип многополярной политики в сфере интеллектуальной собственности

Множество предложений по улучшению системы прав интеллектуальной собственности уже было выдвинуто, не в последнюю очередь из-за разочарования и разрушения, вызванных системой ВОИС. Конкретное направление, которое я хочу обосновать, — это идея *распределенной собственности*, предложенная Сергеем Бодруновым (2018) как часть общей концепции ноономики.

Начнем с уже отмеченного выше факта: права интеллектуальной собственности во всей полноте передают права и обязанности производителей владельцам. Более того, они не делают ничего для исправления одного из признанных недостатков системы патентов и авторских прав, а именно: они никак не обеспечивают права потребителя — более широкой категории, чем можно было бы подумать, поскольку в число потребителей технологий входят целые народы, а следовательно, их государства и правительства, — и на практике действуют как барьер для приобретения широкой публикой (просто подумайте, насколько дорого стоит купить книгу, не говоря уже о применении технологии, и суть станет ясна).

Иными словами, права интеллектуальной собственности создают монополию на все права и обязанности независимо от производителей и потребителей и передают их юридическому лицу, не имеющему конкретного или юридически определенного интереса ни в чем, кроме потока доходов.

Традиционной альтернативой монополии — обладанию единственным источником продукта — является конкуренция, создающая множество источников

одного и того же продукта. Все это довольно легко определить в отношении материальных продуктов, таких как продовольствие, сырье, оборудование, дома и т.д., но совершенно неясно, что подразумевается под «источниками» продукта, который по своей природе находится в свободном доступе. Это потому, что результаты умственного производства⁷ гораздо дешевле воспроизводить, чем производить — настолько, что многие авторы, в частности Александр Бузгалин и Андрей Колганов⁸, считают такие продукты частью «креатосферы», элементы которой должны быть полностью доступны всем.

Проблема этой концепции — «вознаграждение» в паре «продвижение и вознаграждение». Система, которая позволяет пользоваться творческими продуктами, должна обеспечивать производителей средствами к существованию; она не может обслуживать только пользователей. Законодательство о защите прав интеллектуальной собственности содержит однобокий, но четкий ответ на эту проблему: средства к существованию должны финансироваться из прибыли: «Если инновация имеет экономическую ценность, но ее легко имитировать, конкурирующие фирмы будут копировать и продавать ее, получая долю потенциальной прибыли. На конкурентных рынках возникнет достаточно дублирования, чтобы уничтожить всю прибыль... Права интеллектуальной собственности пытаются решить эту проблему, предоставляя инновационной фирме исключительное право, или монополию, на продажу или использование продукта или технологии. Патенты, товарные знаки, авторские права и другие формы прав интеллектуальной собственности ограничивают доступ рынка к инновациям и повышают их цену» [Maskus 1993. P. 72].

Трудность здесь обратна проблеме креатосферы, но ведет к тому же результату. «Исключительное право» продавать или использовать результаты творческого труда не дает ни стимула, ни обязанности обеспечивать существование этого творческого труда.

К сожалению, мы плохо понимаем разницу между описанной выше монопольной системой, характерной для ментальных продуктов, и системой заработной платы. При системе заработной платы работодатели обязаны обеспечивать средства к существованию своим сотрудникам, хочет он этого или нет, поскольку он не может производить продукт без работников, которых он должен найти на

⁷ Я называю это «ментальными объектами». Другие авторы используют широкий набор терминов, в том числе «знание», «информация» и не в последнюю очередь «культура». Я использую термин «ментальный объект» для определения любой идентифицируемой нематериальной вещи, которая может существовать в различных материальных формах и переходить из одной формы в другую без потери идентификации. Например, математическая теорема может существовать в виде письменного текста, устной презентации или в мозге студента, лектора, исследователя или техника; песню можно напечатать, спеть, записать, передать в эфире или запомнить; в любом случае это одна и та же песня. Кстати, язык сам по себе является ментальным объектом и хранилищем древнейших сокровищ, дошедших до нас из древности, — будь то саги, священные тексты, научные тома, открытия, записи или систематизированные ремесленные навыки. См.: [Freeman 2020].

⁸ С глубоким прискорбием говорю здесь о своем вечном долге перед Сашей Бузгалиным, кончина которого стала невосполнимой утратой для всех нас. См., например: Гринберг Р.С., Бузгалин А.В. Старая модель развития себя исчерпала. Куда движется мир? // Россия и современный мир. 2015. № 2. С. 30–43.

рынке и заплатить за них. Таким образом, система заработной платы закрепляет существование класса производительных работников.

Но права интеллектуальной собственности не закрепляют существование класса творцов. Владелец права интеллектуальной собственности не обязан финансировать тех, кто создает ему доход. Ему нужно, чтобы те, кто это делает, дали ему долю. Финансировать производителей своего дохода — это помеха, а не стимул или тем более обязанность. Как феодал-землевладелец стоял между фермером и его работником, забирая свою долю и уменьшая доходы обоих, так и владелец прав интеллектуальной собственности стоит между производителями творческих продуктов и предпринимателями, которые реализуют их работу на практике.

Здесь концепция распределенной собственности предлагает шаг вперед. Современный юридический смысл собственности заключается в том, что все права и обязанности принадлежат одному юридическому лицу. В римском праве это называлось *Jus utendi et abutendi*, т.е. право пользования и использования, и отличалось от *Jus utendi*, права пользования. Право собственности может быть нарушено, например, когда закон штрафует загрязнителя, но когда спор передается в суд, есть две стороны: владелец и истец.

Если собственность совместная, все иначе. Когда корпорация решает, как распорядиться своими активами, вопрос регулируется всеми сторонами — обычно путем голосования акционеров. Но кто должен «владеть» знанием? Кто должен участвовать в принятии решения о том, что с ним делать? Понятно, что это его пользователи и его производители. Если пользователи не примут участия, их права не будут защищены. Но если производители не получают права голоса, продукт даже не будет создан.

Юридический вопрос, как закон должен решать проблему управления знаниями, становится следующим: какая форма юридической собственности наилучшим образом гарантирует, что знания создаются и используются? Сразу же возникает еще один вопрос: кто должен иметь полномочия определять, как следует управлять знаниями?

Разница может показаться ничтожной. Но в истории почти все фундаментальные социальные изменения происходили, когда общество решалось пересмотреть, что оно признает собственностью и кто должен осуществлять надзор. Необходима система, которая обеспечит *совместную* собственность на продукты человеческого умственного производства их создателей и пользователей, которая 1) будет способствовать распространению результатов этой деятельности и 2) гарантирует средства к существованию создателям, предложив совладельцам механизмы, позволяющие договориться о том, как реализовать очевидную взаимную выгоду от достижения обеих этих целей.

8. Открытый исходный код и открытый доступ: двойные технологии будущего для управления знаниями

Распределенная собственность — отнюдь не несбыточная мечта. На практике она стимулирует появление новых ключевых подходов к управлению знаниями,

а именно открытого исходного кода и открытого доступа. Это самые совершенные технологии в индустрии программного обеспечения, которые все более широко используются в других отраслях, в том числе в издательской деятельности.

Эти технологии и практики нельзя назвать маргинальными. Интернет и всемирная паутина сами по себе не являются предметом патента, их администрированием занимаются коллективные международные организации. То же самое касается множества технологий, требующих стандартов для совместной деятельности, таких как передача электроэнергии, телекоммуникации, почтовые системы или инженерные разработки. Техническому прогрессу способствует формирование общих открытых стандартов, а не их превращение в частную собственность. В индустрии программного обеспечения продукт за продуктом предоставляются в двух версиях: с открытым исходным кодом (версию может воспроизвести каждый) и премиум-услуги, когда, по сути, продают не сам продукт, а возможность его эффективного использования. Многие специальные лицензии, в том числе Creative Commons, лицензия MIT и другие, обеспечивают защиту от злоупотреблений без ограничений на распространение — на самом деле как раз наоборот, поскольку они определяют, что владельцы — по сути, оригинальные производители — имеют право *предотвращать* приватизацию своих продуктов.

Без открытого исходного кода современный компьютер, каким мы его знаем, не существовал бы. В знаменитом судебном решении, известном как «вердикт ABC», по выпуску ПК IBM было установлено, что компания Honeywell, которая владела монопольной лицензией на производство компьютеров, начиная с новаторского компьютера ENIAC, и использовала ее для предотвращения конкуренции, не имела права на эту лицензию, потому что создатели ENIAC скопировали важную информацию у профессора физики из Айовы, который разработал эту технологию за несколько лет до этого. Удивительно, но суд не предоставил лицензию кому-то другому, она просто была признана недействительной.

В результате каждый мог производить и продавать компьютеры, и никто не имел права этому препятствовать. IBM, осознавая значимость этого решения, определила стандарт, который стал базовой архитектурой современного ПК и его потомков, таких как мобильные телефоны, и объявила его открытым стандартом. Третьи стороны могли производить и поставлять что угодно, используя эту архитектуру, а IBM специализировалась в тех областях производства, где ее специальные знания давали то, чего не могли сделать третьи стороны. Со временем вся индустрия ПК выросла из открытого исходного кода этой конструкции.

9. Интеллектуальная собственность и национальное развитие

Рост сферы услуг и упадок производственного сектора как основного источника занятости и создания стоимости будет продолжаться.

Мировое право на интеллектуальную собственность может обеспечить прогресс, если все страны достигнут одинакового уровня технологического развития, т.е. производительности своего труда. Большинство, если не все, дисбалансов в торговле возникают, когда страна, чей труд более производителен, торгует с другой,

чей труд менее производителен, в условиях формирования мировых цен или «условий торговли» [Toye and Toye 2003]. Эти различия в производительности возникают из-за различий в уровне технологий: поскольку более эффективный производитель имеет более низкие издержки и может продавать дешевле, чем менее эффективный производитель, получая при этом большую прибыль [Mandel 2024, Amin 2010].

Таким образом, устранение этого неравенства необходимо, чтобы каждая страна могла эффективно снабжать своих производителей как изнутри своей экономики, так и с мирового рынка. Но нынешняя мировая система обменивает передовую промышленную продукцию развитых стран по высоким ценам на первичную и вторичную продукцию остального мира по относительно низким ценам.

ВОИС закрепила в институциональной форме ряд положений о мировой торговле, которые стали предметом активных дискуссий, приведших к созданию ВТО. Следует напомнить, что сама ВТО стала результатом раунда дискуссий в рамках того, что в то время называлось Генеральным соглашением по тарифам и торговле, или ГАТТ. Каждый такой раунд дискуссий известен по стране, в которой они проводились, а ВТО стала плодом Уругвайского раунда ГАТТ. Таким образом, несмотря на свое влияние, ВТО представляла собой не что иное, как реализацию Уругвайского раунда ГАТТ. Однако параллельно с этими соглашениями появился второй пакет, получивший название ГАТС, или Генеральные соглашения по торговле услугами. ВОИС стала плодом ГАТС.

Лондон, 1 ноября 2024 года

Библиография

Бодрунов С. Д. (2022a). Научно-технический прогресс и трансформация общества: ноономика и ноообщество. Часть 1 // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. 2022. Т. 1. № 1. С. 24-42. Режим доступа: <https://doi.org/10.37930/2782-618X-2022-1-1-24-42>

Бодрунов С. Д. (2022b). Научно-технический прогресс и трансформация общества: ноономика и ноообщество. Часть 2 // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. 2022. Т. 1. № 2. С. 13-35. Режим доступа: <https://doi.org/10.37930/2782-618X-2022-1-2-13-35>

Бодрунов С. Д. (2022c). Научно-технический прогресс и трансформация общества: ноономика и ноообщество. Часть 3 // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. 2022. Т. 1. № 3. С. 13-34. Режим доступа: <https://doi.org/10.37930/2782-618X-2022-1-3-13-34>

Amin S. The Law of Worldwide Value. New York: Monthly Review Press, 2010.

Bakhshi H., Freeman A., Higgs P. A Dynamic Mapping of the Creative Industries in the UK. London: NESTA, 2013. Режим доступа: https://www.academia.edu/5538116/A_Dynamic_Mapping_of_the_UKs_Creative_Industries

Bhagwati J. Aggressive Unilateralism: An Overview // Aggressive Unilateralism / Bhagwati J., Patrick H. (eds). Ann Arbor: University of Michigan Press, 1993; reprinted in: King Ph. International Economics and International Economic Policy. New York and London: McGraw-Hill, 1995.

BRICS. This New BRICS Member Will Help Build a Fair Global Order. 2025. Режим доступа: <https://infobrics.org/post/43484/>

Coulthard A. George Michael v Sony Music – A Challenge to Artistic Freedom? // *The Modern Law Review*. 1995. Vol. 58. No 5. P. 731–744.

Freeman A. DeepSeek and OpenSource: a New Property Form in the Making // *Marxistische Blätter*. 2025 (принято к публикации).

Freeman A. (1998a). GATT and the World Trade Organisation // *Labour Focus on Eastern Europe*. 1998. No 59. P. 74–93.

Freeman A. (1998b). The New World Order: GATT and the World Trade Organisation // What everybody really wants to know about money / Hutchinson F. (ed.). Charlbury: Carpenter, 1998. P. 113–131.

Freeman A. Naming the World Minority. Valdai Discussion Club 2024 meeting, Sochi, November 7, 2024. Режим доступа: <https://valdaiclub.com/a/highlights/naming-the-world-minority/>

Freeman A. Creative Labor, Mental Objects and the Modern Theory of Production // *Science and Society*. 2020. Vol. 84. No 4. Режим доступа: <https://guilfordjournals.com/doi/pdf/10.1521/asis.2020.84.4.458>

Hoekman B., Kostecki M. *The Political Economy of the World Trading System: From GATT to WTO*. Oxford: OUP, 1995.

Mandel E. *Late Capitalism*. London: Verso Books, 2024 [1974].

Maskus K. E. Intellectual Property Rights and the Uruguay round // *Federal Bank of Kansas City Economic Review*. 1993. First Quarter. P. 11–23; reprinted in: King Ph. *International Economics and International Economic Policy*. New York and London: McGraw-Hill, 1995.

Toye J.F.J., Toye R. The Origins and Interpretation of the Prebisch-Singer Thesis // *History of Political Economy*. 2003. Vol. 35. No 3. P. 437–467. Режим доступа: <https://muse.jhu.edu/article/46958>.

Wisuniewski J.B. On the Impossibility of Intellectual Property // *Quarterly Journal of Austrian Economics*. 2020. Vol. 23. No 1. Режим доступа: <https://mises.org/quarterly-journal-austrian-economics/impossibility-intellectual-property>

United Nations. *Yearbook of International Trade Statistics*.